

А.В.Баженов, Украинская инженерно-педагогическая академия

ХАРАКТЕР СВИДЕТЕЛЬСТВ О ПСИХИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ В ДИСПОЗИЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Вскрываются возможности приложения диспозиционной теории свойств психического образа (Дж.Локк, К.Р. Поппер) к исследованию соотношения объективного и субъективного в познании. Углублять знание природы психического следует знанием субъекта отражения с одной стороны, психического как одного из свойств тела (животного и/или человека) с другими свойствами (двигательными, физиологическими, поведенческими) и психических свойств, создающих образы, - с другой.

Ключевые слова: психический образ, зрительное восприятие, предрасположенность увидеть (свидетельство), поведенческие и психические свойства, аргумент от развития в пользу появления психического, прямое и не прямое (опосредованное) отражение свойств предмета в психике, иллюзия увеличения Луны на горизонте, подходы Аристотеля, Г.Галилея и К.Поппера к перцептивному образу.

Розкриваються можливості диспозиційної теорії властивостей психічного образу (Дж.Локк, К.Р. Попер) щодо дослідження співвідношення об'єктивного та суб'єктивного в пізнанні. Поглиблювати знання природи психічного потрібно у пізнання суб'єкту відбиття з одного боку, зв'язку психічного як одного зі властивостей тіла (тварини та/чи людини) з іншими властивостями (руховими, фізіологічними та у поведінці) та психічних властивостей, які створюють образи, - з іншої.

Ключові слова: психічний образ, зорове сприйняття, диспозиція бачити (свідчення), властивості поведінці та свідомості, еволюційний аргумент виникнення психічного, пряме та непряме відбиття предметних якостей у психіці, ілюзія зорового збільшення Місяця на обрії, підходи Аристотеля, Г.Галилея и К.Попера к образу перцепції.

It is disclosed a possibility as to application of a dispositional theory of mental image quality (J.Locke, K.R.Popper) to study the relation between an objective and a subjective in

knowledge. We must extend the knowledge of mental nature by knowledge of a subject of reflection in one side in relations his mental as body qualities (animal and/or human beings) with other qualities (operational, physiological or behavioral) and mental qualities that emerge an mental image in other side.

Key words: mental image, visual perception, disposition to observe, behavioral and mental qualities, development (evolution) argument for mental emergence, direct and indirect reflection of object properties into mental, Moon illusion, Aristotle's, G.Galileo's and K.Popper's approaches to the appearance.

Актуальность. Обсуждаемая ныне возможность применения представления о рациональности к психолого-педагогической и образовательной практике часто опирается вместо обращения к соответствующим понятиям субъективного содержания опыта на терминологические и историко-философские дискуссии, переименования классического понятия образа. В то же время такой известный современный исследователь рациональности как К.Р.Поппер основывает свои определения объективности знания на обращении к научным проблемам применения знания на несубстанциальных процедурах и методах рассмотрения объекта. Статья продолжает эту линию исследования.

Новизна. Принятое после критики Канта понимание субъективного и трансцендентного характера рациональности обращает внимание исследователей к возможности обращения к эволюции как системного фактора. Однако таящиеся в представлении эволюции вероятностные заключения уводят внимание исследователей в «порочный круг» доказательств или подмены понятий. Предлагаемая альтернатива К.Р.Поппера о «объективном» мышлении обладает преимуществом позиции исследования психического образа в качестве научного подхода к проблеме психического, и в частности, вопросов, связанных с психофизическим взаимодействием. В статье приводятся аргументы в

пользу рассмотрения психофизического взаимодействия не с дискуссией о тождестве, параллелизме или эпифеноменализме психического и телесного, а исходя из включающихся при рассмотрении категории природы образа фактов.

Если мы примем в гносеологическое исследование факт изучения психического свойства, будь то величина, размер образа, или цвет, мы стоим перед проблемой, называемой со времен Канта трансцендентальной.

Суть этой проблемы можно пояснить через обыденное понимание таких жизненных фактов, которые определяются в выражениях «ничто иное как» или «а это и есть то самое, что». На языке философском эту проблему можно назвать проблемой подтверждения истинности (вида доказательства: гносеологического, логического, прагматического), или, в общем масштабе, гносеологической аргументации бытийственной, онтологической картины мира.

Безусловно существует несколько моделей, или стилей мышления при решении этой проблемы, через объективное строение, природу мира, через субъективные моменты познавательного процесса раскрытия образа этого мира, или через их таким или иным образом оцененное соответствие, чаще всего через «тождество» (у Лейбница – предустановленная гармония).

На этом соответствии выстраивались и концепции психического в Новое время, например, у Локка, где тождество величины (формы, движения) предмета и его образа клались в основания познания, а например, цвет и вкус, оказались за рамками познавательного события. Назовем такую позицию диспозиционалистской, зависимой от предположения. Пояснить ее можно так: любое событие, будь то созерцание цвета, или подкидывания монетки будет иметь вероятностный исход. Однако, если мы ограничимся вероятностной функциональной моделью, то мы будем рассчитывать на средний результат, при обычном освещении,

или твердом, а не резиновом, к примеру, столе, на который упадет монетка [6, с.185]. Но если мы дальше будем изучать свойства стола (а есть и вероятность что, скажем, обнаружится щель, в которую монетка провалится), то наше исследование все время будет двигаться по определенному роду «индукции», связанной с природой этих объектов, а значит, с их предрасположенностью, диспозицией проявлять себя таким вероятност-ным образом. В этой вероятностной диспозициональности, предрасположенности объектов и появлялась психика.

Объяснительная модель в такой концепции природы теперь включит качества цвета, в некоторую причинную взаимосвязь, а обусловлена ли эта взаимосвязь природой самой по себе, человеческой субъективностью, или еще чем-то третьим, - может быть отнесено к вопросу об отнесении самой модели к действительности. Является ли объяснительная модель психическим образом? Несомненно. Однако природа его сводится к отождествлению его состава к составу физического без разбора, первичны или вторичны качества физического.

Свойство наподобие цвета включается в модель психической взаимосвязи развития психофизиологических качеств индивида и вполне может быть определено в категориях субъективной реальности. Принятое разделение цветов на физический, химический и другие, напоминает об отнесении его Локком к области вторичных качеств, но не запрещает продолжать ряд по уровням материи еще дальше. Однако не только чувственную достоверность приписывают цвету, как характеристике природы. Например, практически шкалой цветов (стандарт Мансела) определяется возраст породы, и чем старше порода, тем она смещается в сторону от темных к светлым оттенкам. Такая взаимосвязь возраста и цвета пород явилась выражением индукции наблюдений, которой пользуются для классификации по возрасту открываемых пород.

Аналогично представления об изменениях Луны создаются из учёта характера ее освещения подобно освещению гор, долин, морей [2, с. 196].

Принятие цвета как данности, тем не менее, не отменяет необходимости причин его изменения и сопутствующих связей. Например, важно установить причину связи изменения цвета луны на горизонте с кажущимся увеличением в соответствующей иллюзии. Одной из причин изменения цвета служит движение источника и наблюдателя относительно друг друга (эффект Доплера). Учёт эффекта Доплера позволяет сопоставлять протяженность и цвет хотя в психологии некоторые теории не разводят теории дистанции и цвета, например в теории эволюционного экологического видения Дж.Гибсона [3, с. 133]. Если эти теории, вслед за рядом представителей современной когнитивной психологии принять, то возникает некоторый «эволюционный остаток», кажущийся доказательством субъективности *ad hoc*. Приводя несколько надуманный пример с величиной, аналогично прежнему примеру с обесцвечиванием древней земли, мы можем сопоставлять к примеру, льва и кошку, большой и малый инвариант одного образа (или сопоставлять дракона сказок как образ с относительным сопоставлением гигантского коммодийского варана, величиной в кошку, выглядящего для европейца наподобие реликтового ящера, и живущего в Крыму эндемика того же рода геккона - древнего ящера, размером меньше ящерицы). Такие сопоставления могут быть связаны с определенными теориями психики и значения, к примеру, структуралистской, но поскольку они феноменологичны, ответ на вопрос о природе возможного сравнения в мышлении этих двух образов, остается вечно уходящим в феноменологические структуры. Другой, более известный ответ в философии - Платона, где он обращается к теории величин сразу же исходя из пифагорейской индивидуальности числа и его истоков в отношении «больше-меньше» [5, с. 613], связанных с возможностью идеального образца единого (лошадинность, львинность,

кошачесть). Однако это объяснение может быть верно, при допущении, что это верно и для мира, который он описывает (для льва, кошки и т.д.). До Канта психический образ отождествлялся с прообразом, либо противопоставлялся ему. С Кантом и теорией эволюции представления о природе психического образа становятся все полными и сложенными.

Рассмотрим эволюционный довод об инструментальности психического известного советского психолога А.Н.Леонтьева [4, с. 69]. Выделяющийся эволюционный остаток чувства - и есть психическое, социально оформленное; "изнутри" раздражительность дифференцируется инструментально в чувствительность в таком эксперименте: формирующаяся неспецифическая раздражительность кожи к цвету отбирается в момент выбора действия без осознания человека, и может быть интроспективно описана в также неспецифических («веет как свежий ветер...») образах. Обнаружение такого же рода психического образа в психофизике у К.Бардина, улучшается через снижение порога чувствительности при дополнении видо-неспецифическими свойствами (тембром пороге на звук тона, имеющими субъективную природу). Возникает проблема: как могут различные чувствительности быть соотнесены только в объекте. Но если объект сам сумма качеств, свойств, то возникает замкнутый круг, теоретически в этой психологии объясняемое эволюционно раздражение становится ощущением, потому что приобрело эволюционные свойства (а сама эволюция это изменение раздражения на ощущение. Получается, что аргументы эволюционизма как раз прямо противоположны своему назначению и их задача - постулирование того, что есть). Возможно, к роду таких аргументов можно отнести и эволюционную теорию Дж.Гибсона [3], когда особенность видения (его пространственная сетка дистальных) координат человека просто отождествляются с изменением кривизны (физиологически глаза в связи со старением), или более точно - вообще кривизны головы

(выдвижение нижней части) или даже всего человека. И опять "эволюционный" аргумент опирается на недостаточную проработку "индуктивного" довода для психического: ведь человек меняясь вместе с миром, должен был бы иметь средства "измерения" этой конфигурации, а иначе мы имеем тот же довод ad hoc, когда полные лунные и солнечные затмения удивительным образом возможны только потому, что для человека они соизмеримы, несмотря на несоизмеримость их как космических тел. Однако именно такого рода феноменология и оказывается в качестве примера феноменологии психической: ведь именно идея изоморфизма (либо электролита мозга - Кёлер, либо свойств (валентностей) среды Левин) оказывается убедительной у психологов в позитивизме - гештальтистов. И именно факты иллюзии - их основной материал. Таким образом, за иллюзиями кроется природа психики, но не раскрывается иначе, чем в измеряемых функциональных отношениях. Но чего, мира и человека в нем (изоморфизма), или субъекта, с его "воображаемой" величиной, "проекцией, и "субъективным" отсчетом? Еще раз обратимся к иллюзии величины Луны.

Видимое увеличение Луны, кроме возможных физических причин (метеорологические условия у Аристотеля дополняются дрожанием взгляда [1, с. 517]), («подсвечивание» Луны лучами от Земли при восходе у Кеплера дополняются местоположением обилия суши на востоке и морей на западе [2, с. 196] и т.д.), т.е. диспозиционально объекту или системе лучей, по мере накапливания объяснений включает вопрос о местонахождении человека, устройстве его зрения, и т.д. вплоть до культурных привычек), не решается как научная проблема, поскольку имеет прямо противоположные решения: образ Луны физический, а послеобраз – психический, и потому вместо их координации мы имеем парадокс «удаленности»: чем дальше за горизонтом Луна, тем он по сравнению с земными предметами преувеличивается, а значит не только

больше, но кажется ближе. Где здесь психика, а где надуманность, вроде приведенного примера с гекконом?

Здесь нам следует разделить природу человека, и природу образа, или восприятия, которым представляется природа. Или, в примерах самого Канта, является ли трансцендентальной иллюзией пространство, например, моря, и возвышающегося горизонта (поскольку мы не можем видеть его иначе), или же оно обусловлено "моделями" и мы способны видеть природный факт не имея представления или возможности доступа понять, как он совершается («вещи в себе»). Теперь в качестве оправдания вышеизложенного рассмотрим возможность объяснения зрительной цветовой-количественной иллюзии, поскольку такой род рассуждений приемлет исследование через некоторый умственный эксперимент, репрезентацию и решение проблемной ситуации типа иллюзии, апории, антиномии.

Иллюзия, знакомая с незапамятных времен человечеству как «иллюзия Луны», несмотря на характер видимого увеличения размера планеты у горизонта, имеет еще и «логический аспект» [7, 413]. Кажущееся увеличение Луны психологи связывают с двумя причинами (угловым размером поднятия глаза) – аспект несимметричности (субъективного характера) и константность предметного зрения не равноудаленных предметов в перспективе зрения (эффект сходящихся рельсов Понцо), определяемого уже как «иллюзия» характера фигуры-фона (заслонения краев), т.е. уже эффект углового видения предметов. Сам по себе такой подход подталкивает к двойственности объяснения любого предмета (субъект-объектной локализации «места видения»). Однако такое «нанизывание» объяснения (угловая иллюзия, внутри «углового видения») может явиться тавтологией (зрение, видение...), что и обнаруживается в «парадоксе удаленности»: по предложенному объяснению Луна на горизонте, за «деревьями» будет казаться больше, потому что удалена, но

она кажется не только больше, но и ближе! Исследователи этого парадокса говорят о двойной иллюзии и предполагают «бессознательное» умозаключение, «трансцендентальную иллюзию» вещи в себе (Луны). Однако, оставив психике возможность ее логики, следует ли нам рассматривать эту логику также пространственно-предметно (опираясь на мысленное тождество предмета с его образом) или же допустить некоторого рода аргумент от тождества «изменения», который мы назвали эволюционным.

Сделаем вывод для такого рода рационального допущения психического при рациональном исследовании антропологических аспектов познания. Для объяснения еще раз обратимся к примеру применения такого исследования не естественнонаучной, а в гуманитарной сфере. Известно, что неожиданная подтверждаемость, адекватность археологического исследования пришла из постулируемой адекватности онтологического доверия к тождеству редукционного объяснения «ничто иное как» в конце XIX в. вместе с «плюралистическим» воззрением на субъекта, чему подтверждение находка Шлиманом Трои по упоминанию единственного «горячего источника». В той же археологической школе попытка продолжить раскопки упоминаемых в гомеровских поэмах местностей привела Эванса в описываемых в «Илладе» Микены и Пилос. Фактически удалось раскопать те самые легендарные местности и артефакты, указывающие на «почти» буквальное подтверждение имен героев поэм и надписей на черепках. Стал вопрос об отождествлении, от которой археология отклоняется, стремясь решить вопрос прагматически под каждый артефакт. Приходится признать, что археология (которая в гуманитарных науках имеет такую же роль, как физика в естественных науках) ответила на вопрос о тождестве как тождестве субъективном: найденное на черепке упоминание героя Трои восходит через своих (вероятно) теперь уже физических предков к «божественным» Гераклу и Персею, а, значит, к прямому указанию на обыденную достоверность

первоначал одноименных созвездий. Перед нами двойственность: черепок с именем в руках и его «коррелят» (хотя возможность точного нахождения все-таки «один-к-одному» не подтверждается). Не оправдано обращаться здесь к вероятностным методам или принимать смысловое тождество за истину. Нам кажется более вероятным «третий исход»: вообразим, что все же звезды даны в их образе. Звезды, не представляя прагматической ценности (так далеко, что не доберешься, но так близко, что свет их доходит, хотя, возможно, что в реальности их уже нет), являют собой некоторое логическое событие, связанное с опорой человека на такого рода рассудочное и прагматическое «суждение»: звезды подобны культурному «прошлому», которое светит для нас в настоящем, так как ничто когда-либо вошедшее в культуру, до конца не может быть отброшено (наподобие всему, чему будет отказано человеком в условиях невесомости). В физике же удаленность источника света и возможное его отсутствие приводит к вопросу о характере лежащей при оперировании аналогиями одновременности. И тогда их созерцание (физическое или археологическое) будет подобно иллюзии удаленности: чем дальше, тем больше, а чем больше, тем ближе. И свойство этого приближения обнаруживается в мышлении.

Выводы. Приведенные свидетельства в пользу объективного характера знания, основанные на эволюционном аргументе «памяти» опыта опираются не на категорию платоновских чисел и их бессознательного «анамнезиса», сводящего рассуждения к представлению о метафизической «идентификации», но оставляет исследователя перед необходимостью исследования конкретных механизмов познания, воплощенных в культурно-исторической природе самого зрения. Перспективы исследования можно определить в направлении сравнения данного подхода к природе образа с представлением о культурном прогрессе в диалектическом материализме, а также на сравнении с требованиями к

достоверности исследования, предъявляемыми к рациональности в эмпирической традиции. Однако сделать это можно при условии рассмотрения представленной аргументации как данной в исследовании образа не лишь через его объектно-отнесенные моменты (свечение предмета) или субъектно-отнесенные (диспозиционные) моменты (как красота), но и предметно-смысловые, к которым следует отнести и «эволюционный» аргумент. Таким образом, эволюционный аргумент, подкрепляющий психолого-педагогическое изложение «научным» весом, но некоторым способом, приводящий в действие несимметричность «наставник-обучаемый» или приобретет оговариваемые диспозиционные условия общения (культурные и этико-эстетические нормы), или послужит пусковым моментом для научного исследования собственно психического, данного в скрыто парадоксальном психическом образе, иллюзии.

Список литературы:

1. *Аристотель*. Метеорологика [Текст]// Аристотель. Соч.: в 4 т. /Аристотель. - Т.3. - М.: Мысль, 1981. – 613 с. (Философское наследие).
2. *Галилей Г.* Диалог о двух системах мира – Птолемеевой и Коперниковой. [Текст]// Г. Галилей. Избранные труды: в 2 т./ Г.Галилей.- Т.1. - М.: Наука, 1964. – 640 с.
3. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию [Текст]/ Дж.Гибсон; [пер. с англ.] - М.: Прогресс, 1988 – 464 с.
4. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики [Текст]/А.Н.Леонтьев. - М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
5. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии [Текст] // А.Ф.Лосев. - М.: Мысль, 1993. – 959 с.
6. *Поппер Карл Р.* Мир предрасположенностей: два новых взгляда на причинность [Текст]// Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критика; [Пер. с англ. Д.Г.Лахути]/К.Р.Поппер. - М.: Эдиториал УРСС,

2000. — 464с. 7. *Шиффман Х.Р.* Ощущения и восприятие [Текст]// Х.Р. Шиффман; [пер. с англ.] - СПб.: Питер, 2003. – 928 с.

Поступила в редакцию 30.06.2009

Рецензент: канд.филос.н., доц. Н.Н.Братко